вии к изданию «Сборника» Данилы, хотя и скромно, все же довольно четко высказал свое положительное мнение об этом памятнике древней сербской литературы: «Настоящее произведение древней литературы покойный Шафарик хотя и сильно порицал, он все-таки считал, что оно заслуживает быть изданным (Jahrbücher der Literatur, 1831, Bd. 53; Geschichte der Südslav Literatur, III, 237—242; Památku dřevn. písmen. jihoslov., VI); к тому же я полагаю, что оно, будучи опубликованным, само по себе, если даже не полностью опровергает недавние упреки, то, во всяком случае, в значительной мере убавит их».[12] Н. Радойчич подтвердил ценность «Сборника» Данилы как исторического источника, но он при этом не упустил из виду и литературных достоинств этого произведения.[13]

Кроме анонимного продолжателя «Сборника» Данилы (быть может, он был не один), в XIV в. творили и другие одаренные сербские книжники, но имена многих из них, к сожалению, остались для нас неизвестны. Среди известных нам авторов того времени надо в первую очередь назвать мастера «извития словес» Силуана, затем попа Иоанна Синайца, епископа Марка и, конечно, знаменитого игумена афонского монастыря св. Пантелеймона, переводчика сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита, старца Исаию. Вполне заслуживает упоминания и монахиня Евфимия, память о которой, вероятно, стерлась бы очень быстро, если бы она была лишь супругой деспота Углеши, овдовевшей после разгрома сербского войска на реке Марице в 1371 г. Но она завоевала себе место в истории сербской литературы, оставив после себя несколько поэтических произведений, в которых изливала свою скорбную душу.

В настоящей работе мы отнюдь не пытаемся дать оценку всех средневековых сербских авторов. Это ведь задача истории сербской литературы. Для выявления тех стилистических особенностей, которые принято называть «плетением словес», достаточно, если мы ограничимся анализом произведений лишь трех авторов: Доментиана, Феодосия и Данилы II. Наше внимание, следовательно, привлекают вторая половина XIII и первая половина XIV в., т. е. время, предшествовавшее возникновению так называемой тырновской школы патриарха Евфимия.

Но прежде чем приступить к выявлению самого факта «плетения словес» у этих сербских книжников, напомним, что в науке все еще принято считать будто «плетение словес» возникло в Болгарии в евфимиевскую эпоху и что этот стиль тесно связан с учением монахов-исихастов.

Однако, если нравственный и эстетический принцип книжников-исихастов был также их принципом стилистическим, выраженным словами патриарха Каллиста «въ веществънѣ телеси носити невещественое», и если он пронизывал все формы высокого стиля средневековья, то почему этот же принцип был чужд произведениям Доментиана, Феодосия и Данилы II? Об агиографическом характере их произведений свидетельствуют многие примеры. Так, Феодосий, во вступлении к своему произведению, говорит: «Разоума за не ништетою одрьжимь, оть оубогаго дома оума моего ничесо имы, яко подобноу вашего достоинства *прѣдьложити*

---

[12] ЖКиАС, стр. V.

[13] «Жития королей и архиепископов сербских, — пишет Н. Радойчич, — несомненно сами по себе, как это думал Даничич, способны опровергнуть плохое мнение Шафарика о них, как об историческом источнике и литературном произведении. Данило II на самом деле является личностью, не похожей на убогого подражателя, каким его представлял себе Шафарик. Он занимает действительно почетное место не только в сербской литературе своего времени, но и среди современных писателей, повествовавших о недавнем прошлом и о своем времени» (Животи, стр. XXVI).